„Прок 49"

S. Scharapoff.
Ueber die russisch-finnische Versöhnung.

С. Ѳ. ШАРАПОВЪ.

О русско-финскомъ ПРИМИРЕНІИ.

(Письмо къ Князю М. М. Андроникову.)

Изданіе М. А.

Берлинъ 1905.

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

FRIEDR. GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg.

С. Ѳ. ШАРАПОВЪ.

О русско-финскомъ ПРИМИРЕНІИ.

(Письмо къ Князю М. М. Андроникову.)

Изданіе М. А.

Берлинъ

1905.

CANCELLED

Отъ издателя.

Предлагаемое вниманію русскихъ читателей письмо нашего извѣстнаго публициста С. Ѳ. Шарапова явилось результатомъ моихъ настойчивыхъ требованій — высказаться по финскому вопросу. Зная благородныя и оригинальныя воззрѣнія бывшаго редактора „Русскаго труда“ и припоминая то, что въ свое время было имъ написано о Финляндіи, я не сомнѣвался, что если г. Шараповъ оторвется отъ своихъ плуговъ и подастъ свой голосъ, это принесетъ значительную пользу обѣимъ сторонамъ и послужитъ къ уясненію спора, рѣшить который такъ важно и для Россіи, и для Финляндіи.

И я не ошибся. Письмо г. Шарапова при всей своей краткости, такъ полно охватываетъ весь кругъ спорныхъ вопросовъ, такъ хорошо освѣщаетъ всѣ неясности и разномыслія и создаетъ такой положительный и твердый фундаментъ для финско-русскаго примиренія и будущихъ взаимныхъ отношеній, что можно только пожелать какъ можно большаго распространенія этихъ идей

и въ Россіи, и въ Финляндіи. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ облегченія, данныя русскому печатному слову въ послѣдніе дни, голосъ г. Шарапова, искренняго славянофила и, слѣдовательно, горячаго сторонника Самодержавія и порядка, все еще является запретнымъ, почему настоящее изданіе и пришлось сдѣлать заграницей.

С.-Петербургъ, ноябрь 1904.

М. А.

Дорогой Князь,

Михаилъ Михайловичъ!

Нашъ разговоръ съ Кн. И. М. Оболенскимъ и поѣздка въ Финляндію выяснили намъ очень многое, а потому настоящее мое къ Вамъ посланіе будетъ, надѣюсь, достаточно своевременнымъ и въ короткихъ словахъ коснется главныхъ пунктовъ вновь поднимаемаго вопроса о русско-финскихъ отношеніяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что политика руссификаціи Финляндіи осуждена и, надо думать, навсегда. Теперь рѣчь о томъ, чтобы во-первыхъ, какъ можно скорѣе исправить, что испорчено покойнымъ Бобриковымъ, во-вторыхъ, чтобы выяснить и твердо, разъ навсегда, установить наши отношенія къ Финляндіи и Финнамъ, на началахъ, одинаково пріемлемыхъ и для насъ, и для нихъ, безъ чего никогда не будетъ ни добрыхъ сердечныхъ между нами отношеній, ни увѣренности, что завтра не могутъ снова разыграться недоразумѣнія.

Начну съ попытки опредѣлить, что такое для насъ Финляндія?

Когда Петръ перенесъ столицу къ Финскому заливу, Швеція очутилась въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ. А такъ какъ эта держава стала къ намъ въ непримиримо-враждебныя отношенія и, не

желая мириться съ фактомъ нашего возврата къ Балтійскому морю, вела цѣлое столѣтіе упорныя войны съ Россіей, то самъ собою всталъ вопросъ объ обезсиленіи нашего упорнаго врага и о перенесеніи границы государства къ ея естественному предѣлу — Ботническому заливу.

Мысль о томъ, что Финляндія должна стать нашей, родилась едва-ли не въ самый моментъ основанія Петербурга; эта мысль имѣла подъ собою, между прочимъ, то основаніе, что Финляндія по существу своему столь же удобно можетъ входить въ составъ шведскаго государства, какъ и русскаго. Не принадлежа по своему племенному составу ни намъ, ни Шведамъ, финскій народъ и тамъ и здѣсь являлся чужимъ и его политическая связь съ Швеціей опиралась только на право завоеванія да на контингентъ шведскихъ выходцевъ, водворившихся въ краѣ.

Это-же право завоеванія передало Финляндію Россіи при Императорѣ Александрѣ I.

Въ этотъ моментъ Русскій Самодержецъ имѣлъ передъ собою двѣ перспективы: или включить безъ дальнихъ разговоровъ Финляндію въ черту Россіи и ввести въ краѣ тѣ-же порядки, что и въ Имперіи, или, преслѣдуя только одну государственную задачу — безопасность столицы —, дать новой области особую организацію, сохранивъ ей все то, чѣмъ населеніе пользовалось при шведскомъ владычествѣ. Въ первомъ случаѣ русскому народу предстояло принести рядъ крупныхъ жертвъ, чтобы переварить и претворить въ себя совершенно чуждую народность, уже сжившуюся съ широкимъ самоуправленіемъ и политической свободою, и получить вѣчно недовольную и враж-

дебную окраину, которая, конечно, съ болью вздыхала-бы о своей прежней метрополіи и, конечно, воспользовалась-бы первымъ же серьезнымъ затрудненіемъ Россіи, чтобы надѣлать ей бѣдъ.

Во второмъ случаѣ задача рѣшалась чрезвычайно просто и легко. Финляндія не теряла ничего, переходя отъ Швеціи къ Россіи, но выигрывала очень много: прекращалась самая возможность войны съ Швеціей, ареною которой всегда приходилось быть Финляндіи; финская народность получала опредѣленное будущее, освобождаясь отъ насильственно навязываемой ей шведской культуры; прежніе завоеватели обращались въ равноправныхъ согражданъ. Русскому государству, совершенно чуждому тогда новѣйшаго русскаго полицейскаго патріотизма, не было никакихъ основаній подозрѣвать Финновъ въ какой-либо нелояльности по отношенію къ новой метрополіи, обошедшейся съ ними, какъ добрая мать.

Поистинѣ, можно только преклониться передъ мудростью Русскаго Самодержца, рѣшившаго для блага своего народа и государства стать одновременно конституціоннымъ монархомъ въ новоприобрѣтенномъ углу своей необъятной территоріи и этимъ сразу завоевавшаго сердца новыхъ согражданъ Россіи и развязавшаго себѣ руки по отношенію къ старому сѣверному врагу. Всякая опасность со стороны Швеціи исчезла вслѣдъ за присягою въ Борго земскихъ чиновъ Финляндіи, а черезъ три года финскимъ войскамъ была уже въ трудную для Россіи минуту довѣрена охрана самой столицы.

Ненавистники Финляндіи и ея автономіи стараются выставить этотъ величайшій по своей про-

стотѣ и глубокому политическому значенію актъ царствованія Александра I, какъ своего рода легкомысленный поступокъ великодушнаго Государя, почти измѣну Россіи. Сознаніе глубокой разницы, существующей между порядками по ту и по эту сторону Сестры-рѣки не даетъ спать новому типу „истинно-рррусскихъ“ людей и кажется имъ оскорбительнымъ для Россіи. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно освѣтить и изучить оригинальный и рѣдкій историческій фактъ необыкновеннаго культурнаго роста автономной провинціи въ одной и той-же государственной чертѣ съ безобразнѣйшей по своему быту и управленію Имперіей и отсюда извлечь надлежащія поученія, кричатъ о финскихъ привилегіяхъ, проповѣдуютъ крестовый походъ противъ ни въ чемъ неповиннаго народа и требуютъ его культурной смерти. Но не гораздо-ли-же проще поставить вопросъ обратно: такъ какъ въ Финляндіи живется хорошо, а въ Россіи скверно, такъ какъ тамошнему идеальному порядку, высокому общественному строю, яркой культурѣ, свободѣ, законности и честности, насквозь проникающимъ всѣ отношенія, намъ противупоставить совершенно нечего, кромѣ знака „минусъ“, то вмѣсто того, чтобы подъ этотъ минусъ подводить нашихъ финскихъ согражданъ, отъ чего никому легче не будетъ, нельзя-ли опредѣлить поточнѣе, откуда взялась и эта культура, и эта законность и честность, а опредѣливъ это, попытаться завести тоже самое и у насъ, пользуясь прекраснымъ образцомъ?

Этотъ путь разсужденія во всякомъ случаѣ и достойнѣе, и гуманнѣе, и практичнѣе.

Если мнѣ скажутъ, что причиною благоден-

ствія и благоустройства Финляндіи является ся конституція, мнѣ будетъ очень нетрудно доказать, что дѣло совсѣмъ не въ тѣхъ небольшихъ ограниченіяхъ Верховной Власти, которыя эта послѣдняя добровольно приняла въ 1809 г. Конституція гораздо болѣе полная и широкая, существующая въ Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Греціи, не обусловливаетъ тамъ почти ничего, что такъ пышно расцвѣло въ Финляндіи. Милановщина и Стамбуловщина суть такія явленія, завидовать коимъ ни въ какомъ случаѣ не приходится. Финляндія, наоборотъ, только потому и благоденствуетъ, и наслаждается полнымъ покоемъ, что у нея совершенно нѣтъ ни внѣшней политики, ни отвѣтственныхъ министровъ (а это краеугольный камень всякой истинной конституціи), ни политическихъ партій и интригъ, ни даже свободы печати. Верховная Власть сохраняетъ за собою права, не существующія ни въ одной конституціонной странѣ, и никто противъ этого не протестуетъ, ибо всякій благомыслящій Финнъ отлично понимаетъ, что основа его благополучія и національная будущность вовсе не въ ограниченіи власти своего Великаго Князя, а въ полномъ упраздненіи въ своемъ краѣ русскаго чиновника, въ устраненіи произвола русской бюрократіи.

И если съ этой стороны мы дѣйствительно можемъ завидовать Финнамъ, то не проще-ли, въ самомъ дѣлѣ, и у насъ, не насилуя русской исторіи и не умаляя Самодержавія, которое столь-же намъ дорого, какъ Финнамъ ихъ автономія и конституція, упразднить чиновника и вмѣсто бюрократической централизаціи создать въ рукахъ Русскаго Царя правящій аппаратъ новаго типа,

вѣрнѣе, нашъ исконный древній земскій аппаратъ, гармонически сочетавъ Самодержавіе Государя съ Самоуправленіемъ областей?

Тогда въ каждой автономной области, связанной въ прочный государственный союзъ, мы получимъ тѣ-же условія, что и въ Финляндіи, и тѣ-же, вѣроятно, результаты.

Но вдаваться въ этотъ вопросъ я пока не буду. Для меня важна другая сторона дѣла. Нужно передъ лицомъ самодержавно управляемой Россіи изслѣдовать не выгодность или убыточность для насъ такъ называемой финской конституціи, а права Финновъ на особое привилегированное устройство своего края, незыблемо утвержденное и ненарушимое ни со стороны Русскаго народа, ни со стороны его Верховной Власти. Это дастъ возможность рѣшить другой весьма важный вопросъ: было-ли то политическое теченіе, которое связано съ именемъ и дѣломъ покойнаго Бобрикова и привело къ острому конфликту Финляндіи и Россіи, нравственно или безнравственно, исторически вѣрно, или представляло тяжкое заблужденіе? Только рѣшивъ этотъ вопросъ, можно говорить о дальнѣйшей государственной политикѣ по отношенію Финляндіи и строить эту политику не на минутныхъ теченіяхъ или личныхъ вкусахъ даннаго Генералъ-Губернатора, а на незыблемыхъ и твердыхъ основаніяхъ.

Одна изъ существеннѣйшихъ прерогативъ Самодержавной Власти, безъ коей она немедленно перестаетъ существовать, какъ таковая, есть право самостоятельнаго и свободнаго рѣшенія политическихъ вопросовъ, и не только мелкихъ, но и основныхъ. Русскій Царь, не созывая никакихъ

земскихъ чиновъ, можетъ отчуждать и пріобрѣтать территоріи, создавать и измѣнять права гражданъ, совершать трактаты и договоры, заключать займы и давать всякаго рода привилегіи. И всѣ эти его дѣйствія совершаются не только отъ имени его, царствующаго Монарха, но и отъ имени всей Россіи, т. е. обязываютъ не только живущія, но и будущія поколѣнія. Наслѣдникъ Престола, ставшій Монархомъ и Самодержцемъ, нравственно обязанъ считаться съ положеніемъ вещей, созданнымъ его предшественниками и вносить измѣненія съ величайшей осторожностью. Насколько для него легко и радостно отмѣнять различныя стѣсненія гражданъ, нужныя почему либо раньше, расширяя права своихъ подданныхъ или даруя тѣ или иныя милости, настолько-же трудно вводить ограниченія, уничтожать дарованныя права, стѣснять свободу гражданъ.

Формальнаго запрета, конечно, Самодержцу ни откуда быть не можетъ, но есть запретъ нравственный. Всѣ чувствуютъ, что указъ о возстановленіи крѣпостнаго права или даже тѣлесныхъ наказаній совершенно немыслимъ. Не менѣе твердо можно быть увѣреннымъ, что Россія не объявитъ себя свободной отъ обязательства платить проценты по внѣшнему долгу, и не начнетъ войны съ Сѣверной Америкой за свои проданныя ей когда-то владѣнія. А эта продажа, какъ оказывается теперь, была вопіющимъ убыткомъ.

Слово, данное предшественникомъ, въ сущности едва-ли не больше имѣетъ значенія для царствующаго Монарха, чѣмъ Его Собственное слово. Считая себя свободнымъ отъ предыдущихъ обязательствъ, Государь этимъ самымъ освобожда-

етъ Своего Наслѣдника отъ вѣрности Его Слову, Своими руками разрушаетъ заранѣе Свое собственное дѣло. Самодержавіе обращается въ грубый произволъ и вмѣсто законнаго твердаго порядка водворяется худшая изъ революцій — революція личнаго каприза. Несчастный примѣръ Императора Павла I, со злобой уничтожившаго многое, связанное съ именемъ и дѣломъ его Великой Матери, стоитъ совершенно исключительнымъ въ нашей исторіи. Но и Павелъ неистовствовалъ больше въ области личныхъ отношеній, чѣмъ государственнаго строя. Екатерининскія учрежденія и пріобрѣтенія уцѣлѣли. Отъ себя Павелъ внесъ лишь новый законъ о престолонаслѣдіи, пополнившій пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ.

Образцомъ истиннаго Самодержца и вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарской вѣрности слову предшественника является Императоръ Николай I. Глубоко ненавидѣвшій парламентарно-конституціонный строй, этотъ Государь былъ далекъ отъ мысли нарушить данную его братомъ конституцію Польшѣ и Финляндіи. Если польская конституція 1815 года погибла, то въ томъ виноваты, конечно, больше всего сами-же Поляки; если за все его царствованіе не собиралось въ Финляндіи ни одного сейма, это не было нарушеніемъ финской конституціи, такъ какъ до Сеймоваго Устава Александра II созваніе сейма зависѣло исключительно отъ доброй воли Императора — Великаго Князя. Николай I твердо сознавалъ свою обязанность законодательствовать въ Финляндіи только посредствомъ земскихъ чиновъ и открыто заявлялъ объ этомъ, напримѣръ, въ знаменитомъ Высочайшемъ объявленіи по поводу уничтоженія смертной казни, извиняясь

передъ финскимъ народомъ, что „другія дѣла правленія мѣшаютъ ему созвать сеймъ“. Поэтому-же Императоръ и объявилъ, что онъ отнюдь не создаетъ новаго закона, а только свое монаршее право помилованія будетъ примѣнять во всѣхъ случаяхъ извѣстныхъ категорій.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ назадъ и посмотримъ, какъ создалась и укрѣпилась финская конституція.

Побѣдоносная война съ Швеціей позволила намъ занять Фянляндію. Наполеонъ уже господствовалъ въ Европѣ и 1805 годъ показалъ, какую страшную опасность несъ Россіи этотъ завоеватель. Состоя въ дружбѣ съ Александромъ, Наполеонъ не безъ коварства самъ предложилъ Финляндію Россіи, чтобы этимъ „пластыремъ“ создать ей новыя затрудненія. Александръ I, воевавшій съ Швеціей, оказался политикомъ еще болѣе дальновиднымъ, чѣмъ Наполеонъ. Онъ обѣщалъ Финнамъ сохранить ихъ права и привилегіи и дать новой области Россіи полную внутреннюю автономію. Народное возстаніе, которое еще продолжалось и могло разгорѣться при уничтоженіи шведской конституціи и введеніи русскихъ порядковъ, тотчасъ прекратилось. Земскіе чины услыхали торжественное обѣщаніе Александра сохранить въ неприкосновенности ихъ конституцію и радостно присягнули. Руки Монарха были совершенно развязаны на Сѣверѣ. Онъ повѣрилъ лояльности Финновъ, Финны повѣрили слову Монарха Россіи и сѣверный вопросъ былъ конченъ навсегда.

Тогда было некогда пересматривать и формулировать финскую конституцію. Само собою подразумѣвалось, что Русскій Императоръ, ставъ

Великимъ Княземъ Финляндіи, занялъ для нея всецѣло мѣсто шведскаго короля и отношенія новой Верховной Власти къ подданнымъ опредѣлились по существовавшимъ въ то время двумъ конституціоннымъ законамъ — Формѣ Правленія 1772 г. и Акту Соединенія и Безопасности 1789 г. На основаніи этихъ законовъ было образовано независимое отъ центральнаго мѣстное правительство, сначала въ видѣ Правительственнаго Совѣта, затѣмъ въ видѣ Императорскаго Финлядскаго Сената, установлена національная милиція края, положено основаніе собственному законодательству и хозяйству.

Разумѣется, старая шведская конституція, совершенно устарѣвшая, полная анахронизмовъ, недомолвокъ и дававшая мѣсто произвольнымъ толкованіямъ, не могла удовлетворить населеніе края, всѣмъ сердцемъ стремившееся къ упроченію своего положенія. Обѣщанія Александра I свято исполнялись Николаемъ I, но Финны видѣли, насколько личное нерасположеніе Государя къ конституціоннымъ порядкамъ и строю мѣшаетъ правильному росту и развитію ихъ земской и общественной жизни. Законодательство задерживалось, культура останавливалась, хозяйство шло неправильно. Наконецъ и самая военная оборона края была настолько плоха, что въ Восточную войну 1853 до 1855 года Финляндія потеряла весь свой торговый флотъ и дошла до полнаго раззоренія.

Отсюда совершенно естественное желаніе всякаго Финна выяснить и упорядочить правовое и государственное положеніе своего, горячо любимаго края. Эти пламенныя надежды получили отчасти осуществленіе въ новое царствованіе.

Александръ II, лично склонный къ западнымъ порядкамъ и вполнѣ сознававшій, насколько жестоко и несправедливо пострадала ни въ чемъ неповинная Финляндія въ тяжелые годы войны, счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ выйти на встрѣчу двумъ главнымъ желаніямъ своихъ финскихъ подданныхъ. Первое было — установить твердый и незыблемый правовой порядокъ, второе — призвать самихъ Финновъ къ участію въ оборонѣ своей территоріи.

При Царѣ-Освободителѣ былъ начатъ и наполовину законченъ пересмотръ финской конституціи, имъ-же дарована Финляндіи особая небольшая армія съ національнымъ управленіемъ и языкомъ, хотя и подчиненная всецѣло общему командованію.

Конституцію пересмотрѣть не успѣли, но Сеймовый Уставъ, дававшій финскому народу правильное и періодическое представительство и вполнѣ подтверждавшій основныя положенія конституціи, былъ Государемъ утвержденъ и введенъ въ жизнь. Лично открывая первый сеймъ, Александръ II совершенно категорически подтвердилъ существованіе и обязательность для себя старыхъ шведскихъ основныхъ законовъ и такимъ образомъ установилъ строгій правовой порядокъ, безъ колебанія назвавъ его собственнымъ его именемъ конституціонаго. Съ этой поры начинается быстрый, ничѣмъ неудержимый ростъ финскаго законодательства, культуры и просвѣщенія и постоянное, до боли ревнивое желаніе Финновъ увѣнчать свое зданіе переработкой и формулировкой признанныхъ тремя Монархами основныхъ законовъ, или конституціи края, все откладывавшейся до сихъ поръ.

Александръ III, несмотря на совершенно другіе политическіе взгляды, чѣмъ были у Его Отца, лично убѣжденный носитель чистаго самодержавнаго принципа, считалъ своимъ долгомъ свято соблюдать традицію своихъ предшественниковъ и вѣрность ихъ слову по отношенію Финляндіи. Примѣръ этого Монарха особенно поучителенъ, ибо, съ одной стороны, именно Александра III нельзя было заподозрить ни въ малѣйшемъ сочувствіи такъ называемому правовому порядку (все его царствованіе носило строго консервативный и даже реакціонный характеръ), съ другой стороны именно въ это царствованіе и началась въ русской печати и правительственныхъ сферахъ агитація противъ Финляндіи и ея конституціи, приведшая въ наши дни къ столь плачевнымъ результатамъ.

Несмотря на эту агитацію, единственный конфликтъ, происшедшій въ царствованіе Александра III между Имперіей и Финляндіей, разрѣшился строго въ духѣ и смыслѣ финскихъ основныхъ законовъ. Монархъ отказалъ въ своей санкціи новому финскому уголовному уложенію. Была назначена русская комиссія для его пересмотра и согласованія съ имперскимъ законодательствомъ, затѣмъ выработанный совмѣстно финскими и русскими легистами законопроектъ былъ вторично внесенъ на Финляндскій Сеймъ и имъ принятъ съ необходимыми поправками, на которыя согласилась Верховная Власть.

Казалось-бы, что на этомъ агитація и должна закончиться. Но, къ сожалѣнію, она только примолкла и съ воцареніемъ молодого и великодушнаго, но на первыхъ порахъ неопытнаго Монарха

снова подняла голову. Реакціонной группѣ „истинно-русскихъ людей“ на этотъ разъ ихъ скверное дѣло до извѣстной степени удалось. Финскій народъ и его передовые люди были очернены и заподозрѣны въ глазахъ Монарха.

Агитація дѣйствовала въ главныхъ чертахъ по слѣдующимъ тезисамъ:

1) Никакой конституціи Александръ I Финляндіи не давалъ и утвердилъ не „основные“, а „коренные“ законы, создавшіе для Финновъ особыя основанія автономнаго управленія, но самодержавную власть не ограничивавшіе.

2) Всю свою конституцію Финны вырвали у Монарховъ Россіи часть за частью посредствомъ хитрости и обмана, такъ какъ при докладѣ финскихъ дѣлъ Финномъ Статсъ-Секретаремъ русская власть лишена возможности во-время предупредить Монарха и раскрыть ему глаза.

3) Русскому Самодержцу неприлично быть конституціоннымъ Государемъ какого-то жалкаго княжества. Покореннымъ неприлично пользоваться правами и привилегіями, коихъ не знаетъ народъ-покоритель.

4) Финляндскіе патріоты и правители стремятся создать изъ Финляндіи особое государство, соединенное съ Имперіей лишь реальной уніей. Они желаютъ развить независимыя отъ Имперіи военныя силы Княжества, чтобы имѣть для своихъ цѣлей армію и, на нее опираясь, поддерживать передъ Россіей дальнѣйшія притязанія. Конечная цѣль — отторженіе Финляндіи отъ варварской Россіи и возвращеніе ея въ политическій союзъ съ свободной и либеральной Скандинавіей, родственной по нравамъ и языку половинѣ Финляндіи, и по вѣроисповѣданію всей странѣ.

Кажется, финнофобская программа нашихъ обрусителей передана здѣсь полностью и безъ всякихъ недомолвокъ. Разумѣется, такъ какъ судьею въ этомъ спорѣ является въ послѣдней инстанціи все-таки русское общество, то гг. „ррруссkіе патріоты“ прежде всего постарались, чтобы это общество услыхало только голоса обвинителей и ни одного звука со стороны обвиняемыхъ. Монополія изслѣдованія и освѣщенія финскаго вопроса была поэтому предоставлена „Московскимъ Вѣдомостямъ“, „Свѣту“, новоучрежденной „Финляндской газетѣ“ и т. п. Вся остальная русская журналистика должна была молчать.

Только благодаря этому вынужденному молчанію и постоянной настойчивой проповѣди финнофобовъ, удалось ввести въ заблужденіе не только Государя, но отчасти и общество. Тѣ положенія, которыя выше мною перечислены, имѣютъ въ Россіи несомнѣнно нѣкоторый кредитъ и разсѣять созданный и укоренившійся обманъ не такъ-то легко. Однако, справедливость, честь и достоинство Россіи и нравственное достоинство имени Русскаго Царя того требуютъ и я рѣшаюсь попытаться разобрать вышеприведенную программу шагъ за шагомъ.

1. Никакой конституціи Александръ I не давалъ . . .

Несмотря на цѣлые томы казуистической, мелочной и недобросовѣстной аргументаціи финнофобовъ, факты установлены твердо и опираются на совершенно точныя данныя. Александръ I не писалъ никакой новой конституціи для Финляндіи, но торжественно призналъ въ качествѣ дѣйству-

ющихъ основныхъ, или, какъ тогда выражались, „коренныхъ“ законовъ, два государственныхъ акта, составлявшихъ старую, дѣйствовавшую въ Финляндіи до 1809 года конституцію: „Форму Правленія“ 21 Августа 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г.

Всѣ права шведскаго короля по этимъ актамъ перешли на Русскаго Императора, ставшаго Великимъ Княземъ Финляндскимъ, всѣ права шведскаго народа были утверждены за его отдѣлившеюся частью — финскимъ народомъ.

Признаніе Александромъ I указанныхъ актовъ было не только сдѣлано весьма категорично и торжественно, но имъ же неоднократно было разъяснено, въ цѣломъ рядѣ другихъ документовъ, самый важный изъ коихъ, Манифестъ 1816 года о переименованіи Императорскаго Правительствующаго Совѣта въ Сенатъ, гласитъ:

„. . . . надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ.“

Никакихъ сомнѣній относительно взглядовъ и намѣреній Александра I по отношенію финской конституціи не можетъ остаться, если мы сличимъ его финскую политику съ польской и вообще припомнимъ широкія либеральныя воззрѣнія Благословеннаго.

На этой почвѣ спора быть не можетъ.

2. Финны вырвали свою конституцію частями у Русскихъ Царей путемъ обмана и пр.

Своимъ новымъ положеніемъ въ составѣ Им-

періи Финны были чрезвычайно довольны, тѣмъ болѣе, что русскіе Монархи свято соблюдали завѣты Александра I. Поэтому было совершенно понятно и естественно ихъ желаніе укрѣпить это положеніе навсегда и поставить не на основѣ двухъ архаическихъ документовъ, а на твердо и ясно выработанномъ современномъ конституціонномъ актѣ. Эта работа подготовлялась всѣми лучшими умами Финляндіи и въ царствованіе Императора Александра II была поставлена Монархомъ на очередь. Но самая конституція еще не была готова и раньше ея былъ утвержденъ и опубликованъ Сеймовый Уставъ, включенный въ число основныхъ финскихъ законовъ.

Наши „истинно-ррруссkіе люди“ утверждаютъ, что этотъ Сеймовый Уставъ, какъ и Уставъ о Воинской Повинности, были у Александра II вырваны обманомъ и подписаны имъ безсознательно.

Не говоря уже о той дерзости, съ которою осмѣливаются величайшаго изъ Русскихъ Монарховъ обвинять въ легкомысленной довѣрчивости при подписаніи важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, не трудно доказать, что и Сеймовый Уставъ и Уставъ о Воинской Повинности въ Финляндіи были актами совершенно послѣдовательно вытекавшими изъ личнаго широкаго міровоззрѣнія Царя-Освободителя, его гуманнаго отношенія къ своимъ подвластнымъ народамъ и вѣрности слову своихъ предшественниковъ.

Открывая лично въ 1863 году сеймъ въ Гельсингфорсѣ, Александръ II заявилъ категорически о своемъ удовольствіи видѣть добрые плоды конституціоннаго режима въ краѣ и о своемъ твердомъ намѣреніи его поддерживать и улучшать.

Тогда-же было предрѣшено произвести пересмотръ финской конституціи и, конечно, въ духѣ полувѣковой установившейся традиціи, плодомъ чего и явился новый Сеймовый Уставъ.

Гдѣ-же и въ чемъ ищутъ здѣсь обмана гг. „истинно-русскіе люди“? Въ томъ-ли, что при выработкѣ этихъ законовъ не принимали участія русскіе чиновники, которые могли-бы предупредить довѣрчиваго не въ мѣру Государя о. козняхъ Финновъ? Но въ лицѣ Русскаго Государя Россія имѣетъ неизмѣримо бо́льшую гарантію своихъ интересовъ, чѣмъ въ какихъ бы то ни было чиновникахъ. Гарантіею отъ обмана или даже невѣрнаго освѣщенія дѣла докладчикомъ статсъ-секретаремъ Финляндіи является Финляндскій Сенатъ, предсѣдательствуемый русскимъ Генералъ-Губернаторомъ, избраннымъ Самимъ Государемъ. Наконецъ, что-же новаго въ ущербъ Россіи получили Финны въ Сеймовомъ Уставѣ? Согласіе Государя установить срочность созыва сеймовъ, столь необходимую для правильнаго развитія мѣстнаго законодательства? Но въ чемъ-же нарушались здѣсь интересы Россіи? Въ чемъ нарушались ея интересы, вслѣдствіе организаціи особыхъ финскихъ войскъ, вполнѣ подчиненныхъ общеимперскому командованію и только сохранившихъ свой языкъ? Можно сомнѣваться въ удобствѣ и пользѣ особыхъ финскихъ войскъ, это дѣло личнаго взгляда, но нельзя не признать, что при существованіи въ Финляндіи конституціоннаго режима общеимперская воинская повинность, какъ ее ни примѣняй, не могла не явиться весьма болѣзненнымъ нарушеніемъ финскаго правоваго порядка, что очень обстоятельно и подробно разъяснено въ Отвѣтѣ

Земскихъ Чиновъ на Высочайшее предложеніе Сейму 1899 года.

3. Русскому Самодержцу неприлично быть конституціоннымъ Великимъ Княземъ Финляндіи ... Покореннымъ неприлично пользоваться бо̀льшими правами, чѣмъ побѣдителямъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что такое воззрѣніе въ корнѣ компрометтируетъ самое понятіе Самодержавія. Въ самомъ дѣлѣ, конституціонная форма правленія признается здѣсь лучшею, болѣе широкою, дающею болѣе правъ гражданамъ. Говорится какъ будто съ завистью: „за что-же мы, побѣдители, терпимъ иго Самодержавія, когда вы, побѣжденные, пользуетесь благами Конституціи?“ Согласитесь, что такая защита Самодержавія хуже всякаго отрицанія. Надо признать себя въ Самодержавіи безправными рабами, чтобы требовать отъ своего Хозяина и Владѣльца обращенія его привилегированныхъ подданныхъ въ такихъ-же рабовъ! ...

По воззрѣнію славянофиловъ, Самодержавіе въ его истинномъ значеніи неизмѣримо шире и выше, чѣмъ любая ограниченная форма правленія. Отсюда можно не завидовать Финнамъ и ихъ конституціи, а жалѣть о нихъ, что они предпочитаютъ держаться за тоненькую веревочку своей конституціи и отказываются отъ блага вмѣстѣ съ нами пользоваться самодержавнымъ режимомъ. Но тогда не лучше-ли ихъ оставить въ покоѣ? Для нихъ хороша ихъ жалкая конституція и пусть себѣ ею наслаждаются! ...

Съ этой-же точки зрѣнія и положеніе Русскаго

Государя получаетъ иное освѣщеніе. Самодержавіе для него, по существу своему и по нравственной отвѣтственности, неизмѣримо тяжелѣе, чѣмъ конституція, гдѣ въ самыхъ важныхъ рѣшеніяхъ народъ всю отвѣтственность слагаетъ съ Монарха на себя. Утверждая въ данной части своей Имперіи конституціонный порядокъ, Государь не только ничего не теряетъ изъ своихъ прерогативъ, но освобождается отъ тяжкой отвѣтственности, выигрываетъ въ своей свободѣ. Онъ желалъ-бы, быть можетъ, сложить такимъ-же образомъ съ себя отвѣтственность и во всей Имперіи, т. е. установить конституцію, но тутъ мы, сторонники Самодержавія, протестуемъ: „Государь, мы не хотимъ конституціи, не хотимъ брать на себя отвѣтственность и оставляемъ ее за Тобою. Будь Самодержцемъ.“

Такимъ образомъ понятія совершенно перестанавливаются и мѣста для зависти съ одной стороны и для опасеній за нарушеніе прерогативъ Монарха съ другой совершенно не оказывается.

Но это теорія. На практикѣ наше Самодержавіе, избравшее своимъ орудіемъ управленія бюрократію и ею сполна плѣненное, совершенно не таково. Нужна завѣдомая неискренность, чтобы признавать русскіе бюрократическіе порядки лучшими сравнительно съ порядками финскими. Въ этомъ и есть источникъ великой скорби славянофиловъ, но эта скорбь нисколько не омрачаетъ ихъ теоріи. Отсюда выводъ одинъ: нужно не Финляндію приводить къ одному знаменателю, а наши внутреннія отношенія перестроить такъ, чтобы Самодержавіе дѣйствительно блистало, дѣйствительно сдѣлалось лучшею, свободнѣйшею, свѣтлѣй-

шею и могущественнѣйшею формою правленія, каковою оно быть должно, но каковою, благодаря всемогуществу бюрократіи, оно не есть и быть не можетъ.

Нужно, чтобы, въ какой области ни сравнить, наши порядки были лучше финскихъ, наша дѣятельность плодотворнѣе, наша жизнь легче. Какъ ни сжились Финны съ своею конституціею, какъ ни любятъ и ни берегутъ ее, но сила вещей и явная выгода возьметъ свое, и они сами станутъ проситься въ нашу самодержавную семью. Тогда ихъ конституція ни въ комъ зависти возбуждать не будетъ и исчезнетъ сама собой.

Таковъ славянофильскій взглядъ. Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ наша либеральная фракція. Та совершенно откровенно поклоняется въ принципѣ конституціонализму, отвергая Самодержавіе. Для этой группы дѣйствительно Финны пользуются большими противъ Россіянъ преимуществами. Но, къ чести нашихъ либераловъ, только немногіе изъ нихъ рекомендуютъ приведеніе Финляндіи къ одному знаменателю, т. е. уничтоженіе финской конституціи. Большинство совершенно послѣдовательно стоитъ за эту конституцію и желаетъ ее распространить и на наше отечество.

Сводя все здѣсь высказанное къ единству, мы должны признать, что только небольшая группа „истинно-рррусскихъ людей“ считаетъ для Русскаго Царя унизительнымъ соблюденіе конституціонныхъ условій Вел. Кн. Финляндскаго и домогается уничтоженія финской конституціи. Огромное большинство мыслящихъ русскихъ людей держатся того простого взгляда, что вѣрность слову составляетъ добродѣтель не только Монарха, но и

простого обывателя, и что нельзя случайныя требованія государственной пользы, вдобавокъ слишкомъ различно понимаемыя, ставить выше, чѣмъ честь и достоинство Монарха, тѣсно связанныя съ честью и достоинствомъ всѣхъ русскихъ гражданъ. Дарованное Финнамъ особое политическое устройство, однажды закрѣпленное торжественнымъ обѣщаніемъ Русскаго Царя, можетъ быть уничтожено или измѣнено только въ одномъ случаѣ, именно, когда сами Финны своею измѣною Россіи освободили-бы Монарха отъ исполненія его слова. Но до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ нельзя указать ни тѣни какого либо факта.

4. Сепаратисткія стремленія Финновъ.

Самое тяжкое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое странное обвиненіе противъ Финновъ — это обвиненіе ихъ въ политическомъ сепаратизмѣ, въ желаніи полнѣйшей изолированности отъ Россіи и, наконецъ, въ мечтаніяхъ о совершенномъ выдѣленіи изъ состава Россійской Имперіи въ качествѣ-ли независимаго государства, или съ возвратомъ въ составъ Скандинавіи.

Достаточно сличить условія жизни въ Финляндіи и Россіи, чтобы ясно понять, что у Финновъ нѣтъ и быть не можетъ никакого желанія не только тѣснѣйшимъ образомъ сливаться съ Россіей, но даже такъ или иначе съ нею сближаться. Нѣтъ ни одной отрасли управленія, ни одной стороны общественнаго быта и условій, гдѣ-бы Финнъ могъ позавидовать Русскому. Откуда это происходитъ — вопросъ слишкомъ тяжелый и сложный, но фактъ на-лицо и этотъ фактъ заставляетъ Финновъ прилагать самыя горячія, самыя страстныя

усилія къ сохраненію своего обособленнаго земскаго положенія и къ обращенію его въ обособленное положеніе государственное. Пока центральная имперская власть уважала и соблюдала финскую автономію, указанное стремленіе Финновъ никакого политическаго оттѣнка не пріобрѣтало. Но какъ только русская государственная власть стала поднимать знамя объединенія и обрусенія, въ Финляндіи обнаружилось настроеніе, котораго раньше не замѣчалось, къ особой государственности.

Фины какъ-бы отвѣчали объединителямъ:

— Вы не хотите признавать нашей земской автономіи? Вы поднимаете надъ нами страшную угрозу поглощенія и растворенія насъ Россіей? Мы будемъ доказывать, что мы составляемъ не автономную провинцію только, но особое государство, соединенное съ Россіей реальной уніей, т. е. только особой Монарха.

Въ теченіе почти вѣка Финнамъ была чужда всякая мысль объ особой отъ Россіи государственности. Непосредственно и ближе всего заинтересованная въ вопросахъ войны и мира, Финляндія не имѣла никакого голоса во внѣшней политикѣ Россіи и безропотно вынесла въ Восточную Войну 1853—1856 экономическое раззореніе безъ всякой съ своей стороны вины. Любая европейская война раззоритъ снова Финляндію, уничтоживъ ея морскую торговлю. И вотъ, Финны спрашиваютъ себя: если прежде, рискуя за Россію, мы въ награду имѣли хотя опредѣленное признаніе нашего обособленнаго и независимаго отъ произвола русской бюрократіи положенія, то что-же мы имѣемъ отъ Россіи теперь, когда началось по всей линіи

самое грубое обрусеніе и когда впереди намъ грозитъ національная смерть и раствореніе въ русскомъ морѣ?

Эмиль де-Лавелэ въ своей знаменитой книгѣ объ Австріи, предрекая Имперіи Габсбурговъ распаденіе за неумѣніе нравственно привлечь къ себѣ культурныя народности, говоритъ: „нѣтъ ничего ужаснѣе для самосознающаго народа, чѣмъ культурное обезличеніе. Все можно вынести, но за свой языкъ и самобытное развитіе народъ будетъ бороться до послѣдняго вздоха".

А мы именно посягнули на самое дорогое — языкъ. Мудрено-ли, что мирные и безупречно лояльные ранѣе Финны стали прислушиваться къ рѣчамъ наиболѣе страстныхъ и пламенныхъ своихъ вожаковъ, указывавшихъ на возможность разрыва съ Россіей? Мудрено-ли, что могла даже явиться мысль о возможности вооруженнаго сопротивленія Россіи? Неужели-же ничѣмъ не вызванное оскорбительное недовѣріе, выразившееся въ расформированіи финскихъ войскъ, могло быть истолковано иначе, какъ желаніе предать финскій народъ безоружнымъ въ руки носителей новой русской государственной политики обрусенія и уничтоженія финской автономіи?

Господа „истинно-русскіе люди" обвиняютъ Финновъ въ желаніи отложиться отъ Россіи и создать свое особое государство или присоединиться къ Швеціи, причемъ утверждаютъ, что эти идеи обращались еще задолго до объединительныхъ мѣръ настоящаго царствованія.

Говорится это безъ всякихъ доказательствъ и потому можетъ быть смѣло отнесено въ разрядъ низкой клеветы. Финскіе ученые дѣйствительно

все время старались опредѣлить положеніе Финляндіи въ составѣ Имперіи, но только одинъ изъ нихъ утверждалъ, что эта связь иначе не опредѣлима, какъ реальная унія. Вообще-же признавалось, что Финляндія есть особое государственное тѣло, хотя и входящее въ составъ другого политическаго тѣла и ему передавшее нѣкоторые аттрибуты политической жизни, но по своему устройству, законамъ и правамъ отъ него отдѣльное.*)

Что-же въ этой теоріи преступнаго и причемъ здѣсь стремленіе къ политической независимости отъ Россіи или, тѣмъ болѣе, къ сліянію съ Швеціей?

Ни слѣдовъ этой мысли мы не найдемъ ни въ Финской, ни въ заграничной печати, имѣвшей связь съ Финнами, вплоть до послѣдняго времени, да и теперь, въ финскомъ обществѣ господствуетъ скорѣе тупое отчаяніе за судьбы своей родины, чѣмъ стремленіе дѣйствовать въ смыслѣ открытаго разрыва съ Россіей.

Въ самомъ дѣлѣ, только круглое политическое невѣжество можетъ повѣрить, будто Финны могутъ видѣть свою будущность въ союзѣ съ Швеціей.

Не говоря уже о томъ, что къ Швеціи могутъ тянуть лишь Шведы, коихъ въ краѣ меньшинство, не трудно видѣть, что безъ упорной борьбы и иначе, какъ проигравъ кровавую войну, Россія не дастъ непріятелю установить границу въ 60 верстахъ отъ своей столицы. Если-бы слабая Швеція покусилась на единоборство съ

*) „Реальною уніею“, въ самомъ дѣлѣ, можетъ считаться государственный союзъ двухъ странъ, обладающихъ равными державными правами. Къ Финляндіи это, очевидно, неприложимо. С. Ш.

Россіей изъ за Финляндіи, нетрудно заранѣе предугадать исходъ борьбы. Для Финляндіи-же, еслибы она измѣнила Россіи и передалась Швеціи, это было-бы полное раззореніе и вторичное завоеваніе, на этотъ разъ уже безъ всякой тѣни какихъ-либо отдѣльныхъ правъ или исключительнаго положенія.

Положеніе Финляндіи въ качествѣ независимаго нейтрализованнаго международнымъ соглашеніемъ государства въ родѣ Бельгіи или Швейцаріи, было-бы, конечно, очень по сердцу Финнамъ послѣ того, какъ за послѣднее время ихъ такъ грубо оттолкнули отъ Россіи. Но смѣю думать, что ни одинъ мало-мальски серьезный Финнъ не имѣетъ ни малѣйшей вѣры въ осуществимость такой комбинаціи.

Про освобожденіе Финляндіи собственными силами, или при помощи Швеціи, нечего и думать. Нужна или европейская коалиція, которая-бы силой вырвала Финляндію у Россіи, или добровольное согласіе самой Россіи.

Такъ какъ про послѣднее не можетъ быть и рѣчи, то остается европейская коалиція. Но, предполагая, что Европа была и будетъ враждебна, можно спросить, какой будетъ разсчетъ Европѣ вмѣсто того, чтобы заставлять насъ тратить силы, защищая Финляндію и содержа тамъ войска и крѣпости, прикрыть насъ этою-же самою Финляндіей и освободить такимъ образомъ значительную часть нашего балтійскаго флота и серьезныя сухопутныя силы? Изъ платоническаго-же сочувствія къ Финнамъ гг. Европейцы самое большее, если подпишутъ нѣсколько красивыхъ адресовъ, ни къ чему никого не обязывающихъ.

Такимъ образомъ, по здравому разсужденію, весь финскій сепаратизмъ сводится къ совершенно законному желанію Финновъ изолировать свой край отъ дѣйствія русской бюрократіи. Но за такого рода сепаратизмъ русскимъ людямъ осуждать Финновъ не приходится уже потому, что этотъ самый сепаратизмъ переполняетъ до краевъ всѣ самые коренные русскіе грады и веси. Отъ русской бюрократіи охотно отложились-бы и Орелъ, и Москва, и Тамбовъ, и Тифлисъ, да только, къ несчастію, отлагаться некуда. Какъ и Финны, каждый изъ насъ радостно сохранилъ-бы надъ собою власть своего Царя и „изъялся“-бы изъ юрисдикціи всѣхъ нашихъ вѣдомствъ вмѣстѣ и порознь. Но увы! Это также невозможно, какъ невозможно Финнамъ уйти изъ Россіи.

На этомъ позвольте покончить мои возраженія господамъ финнофобамъ изъ „истинно-рррусскихъ людей“. Установивъ принципіальную сторону, я долженъ коснуться современнаго момента и его практической стороны.

* * *

Въ какихъ нибудь шесть-семь лѣтъ новая наша финская политика, рѣзко порвавъ съ столѣтними традиціями, успѣла совершить огромный переворотъ въ отношеніяхъ между Имперіей и Княжествомъ. Мирный и безупречно-лояльный край оказался гнѣздомъ опаснѣйшей революціи. Разгорѣлись съ обѣихъ сторонъ политическія страсти. Привычный, десятилѣтіями укрѣплявшійся и казавшійся незыблемымъ общественный и земскій строй Финляндіи подкопанъ и расшатанъ. Вмѣсто

добрыхъ и довѣрчивыхъ съ обѣихъ сторонъ отношеній водворилась мрачная ненависть и отчаяніе съ одной стороны, жажда усмиренія и разрушенія съ другой. Власть закона, царившая въ Финляндіи, какъ можетъ быть нигдѣ въ мірѣ, смѣнилась грубыми проявленіями произвола.

Система, связанная съ именами генерала Бобрикова и министра Внутреннихъ Дѣлъ фонъ-Плеве, закончилась пулею Шаумана и почти вслѣдъ за ней бомбою Сазонова. Наступилъ моментъ колебанія. Всѣ и тамъ и здѣсь съ затаеннымъ дыханіемъ ждали слова Русскаго Царя, какъ послѣдняго Судьи въ спорѣ. И это слово прозвучало.

У всѣхъ сразу отлегло отъ сердца. Государь не обвинилъ финскій народъ за актъ страшнаго самосуда, совершенный отъ его имени. Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи назначенъ умный и благородный русскій князь, уже въ силу своего имени и традицій неспособный стать слѣпымъ орудіемъ разрушительной и человѣконенавистической клики. И дѣйствительно, съ первыхъ-же шаговъ дѣятельности И. М. Оболенскаго, и Финны, и всѣ Русскіе, которымъ дорога честь и достоинство Россіи, поняли, что новый Генералъ-Губернаторъ идетъ не растравлять, а залѣчивать свѣжія раны, несетъ не злобу и месть, а сердечное участіе, довѣріе и твердое намѣреніе примирить Финновъ съ Россіей, Россію съ ея пріемной дочерью.

Тяжелая задача выпадаетъ на долю князя И. М. Оболенскаго, но отнюдь не неразрѣшимая. Наслѣдство покойнаго Бобрикова представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Финляндская конституція нарушена. Мѣстное законодательство, гарантированное основными законами, подчинено общеимперскому.

Въ нарушеніе слова Императора Александра I, свято соблюдавшагося Государями Николаемъ I, Александромъ II и III, важнѣйшіе административные посты, замѣщены не финскими гражданами, а русскими.

Расформирована финская армія.

Въ нарушеніе основныхъ законовъ безъ согласія сейма введенъ новый законъ о воинской повинности.

Создана чрезвычайная, почти диктаторская, власть генералъ-губернатора.

Высланы административнымъ порядкомъ изъ Финляндіи безъ суда и слѣдствія выдающіеся патріоты и наиболѣе популярные въ краѣ люди.

Закрыты несговорчивые органы печати.

Уволены изъ состава Сената многіе неудобные для Бобрикова независимые патріоты.

Взволновано и раздражено до послѣдняго предѣла мирное населеніе, преданное Престолу и порядку, но свято чтущее и берегущее основные законы своего края.

Администрація наводнена подонками русскаго служилаго элемента, позорящими среди Финновъ Русское имя.

Не перечисляю мелкихъ, но крайне оскорбительныхъ для Финновъ нововведеній въ русспфикаторскомъ духѣ, составляющихъ, такъ сказать, ежедневную провокацію національнаго чувства: переодѣваніе въ русскую форму городовыхъ, армяки извозчиковъ, введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство и пр. и пр.

Вотъ, что досталось въ наслѣдство князю Оболенскому. Если на его знамени дѣйствительно написано примиреніе и возвратъ къ старому за-

конному порядку, ему придется исправить умѣлой рукой всѣ ошибки и грѣхи своего предшественника, очистить почву отъ нездоровыхъ наслоеній и установить полную ясность въ отношеніяхъ Финляндіи къ своей Метрополіи. Его благородная задача будетъ чрезвычайно облегчена спокойствіемъ и серьезностью самихъ Финновъ, которые за благо возвращенія къ прежнему законному порядку приложатъ искреннія усилія, чтобы помочь И. М. Оболенскому побѣдить всѣ затрудненія, радостно и довѣрчиво пойдутъ ему навстрѣчу.

И какъ только въ краѣ установится хотя небольшая увѣренность въ томъ, что система генерала Бобрикова осуждена и возврата къ ней не будетъ, тотчасъ же все успокоится и отношенія Финновъ къ Россіи станутъ столь-же нормальными и лояльными, что и раньше.

Насколько намъ съ вами, князь, пришлось убѣдиться изъ личныхъ разговоровъ съ тѣми выдающимися финскими дѣятелями, которые почтили насъ своими бесѣдами, самое важное и неотложное для успокоенія Финляндіи и полнаго прекращенія всякой обостренности отношеній есть рѣшеніе вопроса о финской конституціи. Мы не имѣли прямого ея отрицанія съ высоты Престола, но допущеніе политики, весьма мало соотвѣтствующей постановленіямъ принятыхъ нашими Монархами и утвержденныхъ финскихъ основныхъ законовъ, свидѣтельствуетъ, если не о колебаніяхъ Верховной Власти признать эти законы, то во всякомъ случаѣ о неопредѣленности и неясности въ этой области существующихъ.

Чтобы эту неясность и колебанія закончить, необходимо твердо и окончательно рѣшить во-

просъ, есть-ли Русскій Монархъ столь-же самодержавный Великій Князь Финляндіи, какъ и Императоръ Россіи, или его власть на территоріи Княжества ограничена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обѣщаніями Александра I, Николая I, Александра II и III и Его собственнымъ Манифестомъ, изданнымъ при вступленіи на Престолъ? Если этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то съ высоты Престола должно быть безъ всякихъ колебаній и недомолвокъ заявлено, что никакихъ ограниченій Русскій Монархъ не признаетъ и никакой конституціи для себя обязательною не считаетъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, у Финновъ не будетъ никакихъ политическихъ иллюзій и мы твердо встрѣтимъ всѣ послѣдствія такого акта.

Но если этого признанія сдѣлано быть не можетъ, если обѣщанія четырехъ поколѣній Русскихъ Монарховъ имѣютъ силу для ихъ преемниковъ, то необходимо, наконецъ, выяснить и точно формулировать, не ссылаясь на архаическіе акты XVIII вѣка, въ чемъ именно заключаются конституціонныя ограниченія Русскаго Императора, какъ Великаго Князя Финляндскаго? Другими словами, нужно кодифицировать конституціонныя постановленія Финляндіи, привести въ стройную систему то, что Финны разумѣютъ подъ именемъ своихъ „основныхъ законовъ“, закончивъ работу, начатую Александромъ I и II. Вопросъ этотъ Финнами разработанъ такъ хорошо и подробно, что кодификація не представитъ ровно никакихъ затрудненій и со стороны Верховной Власти потребуется лишь надлежащая критика и провѣрка.

Соотвѣтственно кодифицированнымъ основнымъ законамъ долженъ быть дополненъ Высочайшій Манифестъ 3 февраля 1899 года и затѣмъ на будущее время всѣ постановленія, утвержденныя Верховною Властью, свято и неукоснительно соблюдаться.

Все остальное, опираясь на твердо установленный и ненарушенный фундаментъ, исполнится само собою. Статсъ-Секретаремъ министромъ Финляндіи и ея представителемъ передъ Престоломъ станетъ, конечно, и долженъ стать Финнъ по рожденію, довѣренное лицо своихъ согражданъ и популярное между ними. Намѣстникомъ Государемъ въ Гельсингфорсѣ будетъ коренной русскій человѣкъ съ историческимъ именемъ и традиціями. Какъ Финнами отъ имени Русскаго Царя долженъ править Русскій человѣкъ, пользующійся безусловнымъ довѣріемъ Монарха и Россіи, такъ и финскій народъ долженъ у Престола имѣть безусловно единаго съ нимъ по тѣлу и духу министра. Тогда только установится полная обоюднаго довѣрія тѣсная связь между Верховною Властью и населеніемъ автономнаго края. Ни о какихъ подвохахъ и обманахъ Государя не можетъ быть рѣчи уже потому, что въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣніе Государя, Ему будетъ нетрудно выслушать совмѣстный докладъ Статсъ-Секретаря и Генералъ-Губернатора, а если нужно, то и избранныхъ высшихъ сановниковъ Имперіи.

Только отсутствіемъ инстиннаго финскаго патріота у Престола и страннымъ выборомъ В. К. Плеве на роль министра Финляндіи и можно объяснить возникновеніе финско-русскаго конфликта 1898—1903 года. Достаточно было Плеве и Бо-

брикову устроить между собою союзъ, чтобы Государь былъ лишенъ всякой возможности узнать правду о Финляндіи . . . .

Мнѣ нѣтъ надобности говорить о подробностяхъ примиренія и возврата къ нормальнымъ отношеніямъ между Россіей и Финляндіей. Остается сказать лишь нѣсколько словъ о новомъ уставѣ воинской повинности и финскихъ войскахъ.

Совершенно очевидно, что опубликованный новый уставъ, составленный въ нарушеніе финскихъ основныхъ законовъ и введенный вопреки принятому порядку законодательства въ Финляндіи, будетъ служить камнемъ преткновенія къ примиренію и установленію нормальныхъ и искреннихъ отношеній. Его необходимо придется пересмотрѣть, и въ этомъ смыслѣ драгоцѣнною помощью явится отвѣтъ Земскихъ Чиновъ Княжества на Высочайшее предложеніе Сейму 1899 года. Разработанный тамъ проектъ устава составленъ въ самомъ примирительномъ духѣ и его составители приняли во вниманіе и соображеніе всѣ существенныя возраженія русской военной власти. Мнѣ кажется, этотъ уставъ, по пересмотрѣ его въ Военномъ Министерствѣ и необходимыхъ измѣненіяхъ, могъ-бы быть вновь внесенъ на Сеймъ, который, конечно, радостно пошелъ-бы навстрѣчу и принялъ всѣ постановленія, сколько нибудь совмѣстимыя съ основоыми зоконами края.

Какъ-бы то ни было, но финско-русскій конфликтъ, вызванный исключительно неожиданнымъ и страннымъ поворотомъ русской политики по отношенію Финляндіи, долженъ быть законченъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

* * *

Въ заключеніе, дорогой князь, позвольте сказать нѣсколько словъ о нравственной сторонѣ дѣла. Знаю хорошо, что многіе, въ томъ числѣ даже справедливые и либеральные русскіе люди, обвинятъ меня въ защитѣ Финновъ противъ Россіи. Этого обвиненія я не боюсь. Его можно сдѣлать только съ точки зрѣнія поклоненія голой силѣ.

Но въ данномъ именно вопросѣ эта точка зрѣнія никуда не годна. Есть высшія нравственныя начала, управляющія отношеніями не только отдѣльныхъ людей между собою, но и народовъ. Эти высшія начала запрещаютъ одному народу овладѣвать территоріей другого, болѣе слабаго, потому что эта территорія нужна для тѣхъ или иныхъ государственныхъ цѣлей. Именно повинуясь этому высшему началу, незабвенный Александръ I постарался включить покоренную оружіемъ Финляндію добровольно въ составъ Россіи. Девяносто лѣтъ, истекшихъ съ Боргосскаго Сейма, показали, что интересы Россіи, какъ великой державы, ни въ чемъ не пострадали отъ того, что маленькому финскому народу были сохранены его старыя права. Беззаконное и ничѣмъ не вызванное отнятіе этихъ правъ составляетъ столь вопіющее нарушеніе нравственнаго начала, что, повѣрьте, князь, говоря въ защиту Финновъ, я исполняю прежде всего мой долгъ Русскаго человѣка, защищаю прежде всего мою великую Родину отъ возможности страшныхъ и справедливыхъ противъ нея обвиненій въ коварствѣ и безчеловѣчности. Я слишкомъ горжусь моимъ Русскимъ именемъ, чтобы быть причастнымъ къ безнравственному государственному дѣянію, слишкомъ люблю мою Святую Русь, чтобы примириться съ

ролью палача, которую ей гнусно навязываютъ. Нѣтъ, князь! Моя Русь, та, которую я чту и которой поклоняюсь — Русь Освободительница, Русь защитница угнетенныхъ, Русь справедливости, добра и великодушныхъ порыровъ. Неужели этой Руси могутъ колоть глаза и возбуждать зависть $2^1/_2$ милліона инородцевъ, пользующихся особымъ устройствомъ и сохраняющихъ свой національный обликъ? Неужели задача Россіи сводится на всеобщую нивеллировку подъ одинъ бюрократическій аршинъ? Неужели мы сами недостаточно натерпѣлись отъ произвола бюрократіи и мало ненавидимъ ее, чтобы покорять ей подъ ноги и другихъ?

Равнымъ образомъ и слишкомъ поклоняюсь принципу Самодержавія нашихъ Царей, слишкомъ чту его, чтобы навязывать его кому-либо насиліемъ и полицейскими мѣрами. Самодержавіе установлено надъ собою Русскимъ народомъ добровольно и непринужденно. Онъ искренно стоитъ за него такъ-же, какъ другіе народы за свои хартіи и права. Самодержавіе, водворенное насиліемъ, есть деспотизмъ. Введите его насильственно въ Финляндіи, оно тотчасъ-же потеряетъ всю свою нравственную силу и принципіальную святость въ Россіи. Только во имя этой свободы Самодержавія я рѣшаюсь утверждать, что для Русскаго Самодержца нѣтъ никакой утраты, никакой порухи въ согласіи на конституціонныя ограниченія Финляндіи. Эти ограниченія, какъ и Его русское полновластіе, созданы не Имъ, а достались Ему въ наслѣдіе отъ цѣлаго ряда Предковъ, утвердившихъ и то и другое своимъ словомъ.

И да не коснется этого слова ничья низменная рука!

Настаютъ времена тяжелыя и отвѣтственныя. Силы всей Русской Державы призываются на грозное испытаніе въ великой міровой борьбѣ. Будемъ же помнить, что Русь сильна матеріально и несокрушима только до тѣхъ поръ, пока сильна и нерушима ея нравственная правда. Русь правая и въ правомъ дѣлѣ побѣждена быть не можетъ. Но чтобы сознавать себя правою и въ правотѣ и правдѣ своей черпать силы на великіе подвиги, наша Родина должна хранить себя отъ всякаго искушенія политической похоти, отъ всякой несправедливости и насилія. Никакой стонъ обиженныхъ и угнетенныхъ не долженъ подниматся къ Престолу Божію и являться справедливымъ обвинителемъ Руси. А что можетъ отвѣтить она на стонъ цѣлаго христіанскаго народа, осуждаемаго на политическую смерть и національное обезличеніе?

Вотъ, дорогой князь, тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я поднялъ перо въ защиту Финляндіи, и дѣлаю это какъ вѣрный сынъ Россіи и вѣрноподданный Самодержавнаго Царя.

Искренно Вамъ преданный

Сергѣй Шараповъ.

Москва, 30 Октября 1904 г.

Типографія Левента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.